

4.1.3. Сельскохозяйственные неурядицы и административные перетряски

Не лучше обстояло дело и с сельской половиной населения страны. В соответствии с установками новой программы партии на полное удовлетворение потребностей колхозников за счет общественного хозяйства возобновились ограничения в ведении личного подсобного хозяйства. Стали сокращаться площади личного землепользования. Не могли быть довольны колхозники и призывами Хрущева передать свой скот на общественные фермы. Запрещение держать скот лицам, напрямую не занятым в сельском хозяйстве, больно задело жителей маленьких городков и поселков городского типа.

Пленум ЦК КПСС 5-9 марта 1962 г. обсудил очередные предложения Хрущева, изложенные им в докладе о задачах партии «по улучшению руководства сельским хозяйством».

На нем Хрущев вынужден был признать, что сельскохозяйственное производство отстает от заданий семилетки (на 1 млрд. пудов зерна, на 3 млн. тонн мяса и на 16 млн. тонн молока) и что «в результате ослабления руководства сельским хозяйством поставлено под угрозу выполнение семилетнего плана производства сельскохозяйственной продукции»{2023}.

– В ЦК, – говорил он, – поступают письма. В них сообщается, что в магазинах мало мяса, сливочного масла. Некоторые авторы писем считают, что это результат плохой организации торговли... Это не так... Дело здесь в том, что мяса у нас просто не хватает{2024}.

Исправить положение, по его мнению, можно «за счет интенсивного развития свиноводства и птицеводства». Но для свиней и птицы нужны концентрированные корма, а в них недостаток будет ощущаться до тех пор, пока 1) не будут искоренены последствия несостоятельной и даже вредной травопольной системы земледелия и 2) не будет перестроена вся система управления сельским хозяйством.

Если, приводил он расчеты, использовать под высокоурожайные пропашные культуры (прежде всего кукурузу и озимую пшеницу) 31 млн. гектаров, занятых под многолетними и однолетними травами, 11, 5 млн. гектаров под малоурожайным овсом и 16 млн. гектаров чистых паров, то можно получить такое количество зерна и кормов, что с лихвой хватит на удовлетворение всех потребностей страны{2025}.

Участники пленума, не жалея слов для одобрения и полной поддержки этих предложений, брали на себя своего рода обязательства по их реализации. Так, первый секретарь Тамбовского обкома КПСС Г.С. Золотухин заверил пленум в том, что «в текущем году будут ликвидированы чистые пары, решительно сокращены посевы трав». Полностью ликвидировать посевы однолетних и значительно сократить посевы многолетних трав, увеличив «вдвое больше, чем в прошлом» посевы кукурузы, обещал первый секретарь Смоленского обкома КПСС П.А. Абрасимов. А первый секретарь Костромского обкома КПСС Л.Я. Флорентьев сообщал, что «за счет полной ликвидации чистых паров и резкого сокращения площадей под травами колхозы и совхозы области увеличат в текущем году посевы зерновых культур на 63 тысячи гектаров»{2026}.

Что же касается второй меры, предложенной Хрущевым для ускорения развития аграрного сектора – перестройки управления, – то она началась еще год назад, когда Министерству сельского хозяйства были оставлены только функции по распространению опыта передовых колхозов и совхозов, а также по руководству сельскохозяйственной наукой и сельскохозяйственным образованием. На этот раз реорганизация носила более масштабный характер. Посетовав на то, что «нет активного вмешательства со стороны государственных органов и их повседневного влияния на ход производства», что в результате этого в колхозах и совхозах сложилась своего рода автономия, которая позволяет их руководителям продолжать цепляться за травопольную систему, Хрущев пришел к выводу о необходимости того, чтобы государство строго следило за выполнением плана-заказа на сдачу необходимой стране продукции, постоянно контролируя при этом производственную работу хозяйств.

Чтобы «установить деловое, практическое, гибкое управление» сельскохозяйственным

производством и «искоренить до конца канцелярские методы» руководства, было решено перестроить управление всей отраслью. На местах ликвидировались сельскохозяйственные отделы районных исполкомов, а вместо них создавались межрайонные территориальные колхозно-совхозные (или совхозно-колхозные) производственные управления. Однако это новшество лишало главной сферы деятельности райкомы партии. Отныне им было рекомендовано сосредоточиться на непосредственной работе с людьми. А так как без руководящей и направляющей роли партии обойтись было нельзя, то в новых органах устанавливалась должность партторгов обкомов и крайкомов с группой инструкторов. Деятельность этих органов должны были координировать областные, краевые и республиканские комитеты по сельскому хозяйству, возглавляемые первыми секретарями региональных райкомов. Союзный комитет должен был состоять из министров заготовок, сельского хозяйства, председателя объединения «Сельхозтехника», заведующего сельхозотделом ЦК и руководителя отдела сельского хозяйства Госплана, а возглавить – один из заместителей председателя Совета министров.

Присутствовавший первые два дня на пленуме А.Т. Твардовский дипломатично записывал в своей рабочей тетради, что «впечатления... не таковы, чтобы справиться с ними единовременной, разовой записью», оговорившись, что «они смыкаются и с тем, что думано и передумано до, и с тем, от чего не уйти после»{2027}. Не считал нужным поделиться своими впечатлениями с дневником и первый секретарь Киевского обкома КПУ П.Е. Шелест. Обычно тщательно фиксировавший все свои визиты на пленумы и сессии в Москву, он на сей раз ни словом об этом не обмолвился{2028}.

То, что сугубо административными преобразованиями и запретами аграрная проблема решена быть не может, сознавали многие. Тот же Твардовский три недели спустя был свидетелем разговора на «завалинке» в главном фойе элитного санатория «Барвиха» с неизвестными ему руководящими лицами, суть которого он изложил так: «Повысить закупочные цены уже нельзя, – если они будут выше розничных, то можно было бы с выгодой покупать все в магазинах и продавать государству же. Себестоимость продуктов животноводства еще очень велика. Хрущев будто бы советовался: может быть, повысить розничные цены? Нет, говорят, нельзя, нам, мол, скажут: какой же это коммунизм. И т.д. Все всё понимают, но кивают друг на друга: скажи – ты, скажи – ты. В подмосковном совхозе – намечены к вспашке клеверища по второму году – самая трава! – Что же ты делаешь? А не сделай я этого?»{2029}.

Хрущев тем не менее решился повысить закупочные и розничные цены на молоко и мясо. Об отрицательных социальных последствиях этого мы уже говорили в предыдущем параграфе. Положительный же эффект, если и сказался, то много позже. А пока дела в сельском хозяйстве продолжали оставаться неважными. В 1962 г. рассчитывали заготовить 4 млрд. пудов хлеба, а удалось собрать в закрома государства только 3 млрд. 450 млн. пудов. Казахстан продал лишь 500 млн. пудов вместо 900 по плану. Недобрала товарного зерна Украина{2030}.

10 сентября 1962 г. Хрущев обратился в Президиум ЦК с очередной запиской, в которой сообщал, что много думал над совершенствованием структуры аппарата и в результате пришел к выводу о необходимости разграничить партийное руководство промышленностью и сельским хозяйством, разделив обкомы КПСС на промышленные и сельскохозяйственные. Эти предложения были одобрены в ноябре 1962 г. пленумом ЦК КПСС. Серьезного обсуждения не было. Как и на предыдущих пленумах, все выступавшие хвалили «замечательный доклад» Хрущева и конкретизировали план очередной перестройки применительно к своим регионам. Так, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР Г.И. Воронов, отмечая «исключительную важность» постановления поднятого «по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева» вопроса, говорил:

– Вся партия, весь советский народ рассматривают это как своевременный, мудрый и дальновидный шаг{2031}.

А тут еще неурожай из-за засухи летом 1963 г. Из продажи исчез белый хлеб, пропала манная крупа и вермишель. В Киеве распространились панические слухи, что будут введены карточки на хлеб и сильно урежут фонды на продажу населению крупы, сахара, мыла, соли. В Николаеве так и произошло: дневной расход хлеба там составлял 150 тонн, а стали получать

только 102 тонны. Грузчики в порту отказались грузить муку на корабли, отправлявшиеся на Кубу, и на погрузку были брошены воинские подразделения. «Чтобы избежать открытых выступлений и просто забастовок или еще худших явлений», первый секретарь ЦК КП Украины П.Е. Шелест «на свой страх и риск» дал указание заместителю председателя республиканского правительства увеличить фонды на хлеб для Николаева{2032}. Даже в Москве ввели своеобразную форму нормирования продуктов в виде «заказов» по месту работы.

Люди в очередях не стеснялись высказывать свое мнение о происходящем. В одном из писем, полученных А. Твардовским по поводу его поэмы «Геркин на том свете», его спрашивали: «Вы говорите “пушки к бою идут задом”, не пора ли их повернуть?»{2033}.

Продовольственные трудности 1963 г. не коснулись лишь 32,5% опрошенных в 1998 г. и 24% опрошенных в 1999 г.

«У нас этого не было, прошло стороной», – говорил колхозник В.Д. Жаров из деревни Марково в Лотошинском районе{2034}. «Никто не ощутил», – убеждена управляющая совхозным отделением в деревне Стрешневы Горы в том же районе П.А. Барабошина{2035}. «Мы жили в деревне», – так и объясняла колхозная доярка из Смоленской области А.Ф. Тихонова{2036}. В колхозной семье Спиридоновых (село Старое Съяново в Подольском районе) хватало более или менее продуктов, получаемых на трудодни, выручали свои куры: яйца были самой желанной пищей для семерых детей{2037}. «Тот не крестьянин, который не имеет запас хлеба», – объясняла доярка М.С. Прилепо из деревни Струменка в Суражском районе Брянской области{2038}. Жили с собственного хозяйства, поясняла А.А. Гаранина из деревни Дерюзино (колхоз «Заря») около Загорска: «Покупали лишь сахар, соль, спички»{2039}. «У нас была натуроплата, все свое, продукты с участка, молоко, мясо, хлеб свой пекли», – вспоминал В.Т. Гришаев, совхозный ветеринар из села Николаевка в Косторненском районе Курской области{2040}. «Все было свое» у колхозника И.Н. Лопатникова из села Ведянцы в Ичалковском районе Мордовии{2041}. «Жили за счет подсобного хозяйства», – вспоминает П. И. Кондратьева, работавшая тогда учительницей в Новгородской области{2042}.

«У нас было свое хозяйство», – отмечала ткачиха З. С. Жирнова, работавшая и жившая в селе Ашитково Воскресенского района Московской области{2043}. «Хлеб был свой» у домохозяйки Л.М. Конновой из села Малая Грибановка в Житомирской области{2044}. «Все лето работали в огороде и в саду, все было свое, даже пшеница», – вспоминала М.И. Пскова из Щелково-3{2045}.

«Шахтерские районы снабжались хорошо», – сообщал М.М. Гу-рен, инженер комбината «Тулауголь» в Новомосковске{2046}. «Пайки выдавали на шахте», – подтверждает Г.В. Кирич из Донбасса{2047}.

«ВПК это не касалось», – утверждали телефонистка и слесарь завода взрывчатых веществ № 11 в Краснозаводске М.В. и М.Ф. Шлыковы{2048}. Почти не коснулось А.П. Безменовой, рабочей Красногорского оптико-механического завода: «Завод-то был сильный, нам давали хлеб регулярно». Но и она помнит, что в городе некоторое время были очереди за хлебом{2049}. «На моей семье никак не отразилось», – вспоминала Л.Л. Тулупова, технический контролер Казанского авиационного завода{2050}. Не помнит о таких трудностях Е.А. Малиновская, начальник планового отдела на опытном заводе организации п/я 3713 в Москве: «На заводе спецпайки, да и муж хорошо получал»{2051}. «Я неплохо получала, да и дочь помогала», – говорила технический контролер ЦИАМа в Москве А.Г. Митина{2052}. «У меня не было проблем с продовольствием, но окружающие беспокоились», – признавал инженер предприятия п/я 1323 в Москве Э.А. Шкуричев{2053}.

То же самое относится к военным гарнизонам и семьям военнослужащих. Офицер из ближнего Подмосковья В.Я. Самойлов «батон под названием «Русское чудо» покупал за 13 копеек без очереди (покупай хоть 3, хоть 5 батончиков)»{2054}. Не коснулись продовольственные трудности офицера инженерно-авиационной службы Северного флота А.Т. Щепкина{2055}, офицеровских жен Поповой (из одного заполярного гарнизона){2056}, Т.В. Панченко (из города Чехова){2057} и Е.В. Ципенко (из Хмельника в Винницкой области){2058}. «Снабжение продовольствием войск оставалось на высочайшем уровне», – свидетельствовал офицер-пограничник из Закавказья Р.С. Макумов{2059}.

В системе Министерства внешней торговли «все время были заказы, все можно было купить», по словам экономиста «Экспортльна» Е.В. Корниенко{2060}. Не коснулись трудности шофера Совмина РСФСР С.П. Воблова{2061}.

На кондитерской фабрике «Красный Октябрь» в Москве, вспоминает работавшая там В.Н. Ригарович, «можно было есть сколько хочешь, но нельзя было выносить»{2062}. «Меня это никак не коснулось», – вспоминал А.А. Линовицкий, грузчик одного из продовольственных магазинов в Алексине{2063}.

Утверждает, что «хлеба было достаточно, а муку выдавали даже больше чем нужно», научная сотрудница ВНИИ экономики сельского хозяйства В.Ф. Полянская{2064}. «В Москве такого нормирования практически не видел» инженер ЗиЛа Е.Д. Монюшко. Не видел он и голода, «бывая в командировках по всей стране». Таковой «появился только при Ельцине»{2065}. Не затронули продовольственные трудности хирурга городской больницы в Каунасе П. Паулаускаса{2066}. Не коснулись они и шофера МИДа Г.В. Алексеева{2067}.

Не помнят того, чтобы их в 1963 г. коснулись продовольственные трудности, еще 4 и 4% опрошенных. Например, П.Д. Ковалев, рабочий Московского мясокомбината им. Микояна{2068}, или В.М. Колесник, офицер с противоракетного полигона в Приозерске (Казахстан){2069}. Их (в основном продавцов и военнослужащих), очевидно, с некоторой долей сомнения, можно отнести к тем, кого продовольственные проблемы 1963 г. не коснулись.

Отметили, что продовольственные затруднения их коснулись, соответственно 48 и 52% опрошенных.

«Большое горе, погибло много зерна», – вспоминала колхозница А.М. Чемерисюк из села Елешовка в Хмельницкой области{2070}. «Коснулось всех граждан СССР, особенно Украины», – утверждает Л.И. Волкова, техник закрытого НИИ связи в Москве{2071}. Это коснулось всех, кого знал рабочий МЗМА С.И. Виктюк: «Обеды в заводских столовых ухудшились, талоны выдавались на заводе с задержками»{2072}. «Продовольственные трудности коснулись почти всех», – утверждает учительница из подмосковного Косино Г.К. Пяттикрестовская{2073}. «Это коснулось всех», – заявлял и рабочий Константиновского деревообрабатывающего завода в Загорском районе В.С. Безбородое{2074}. «Так или иначе это коснулось всех советских людей», – уверял инженер Корневского завода строительных материалов И.И. Назаров{2075}.

Как «очередной шаг к победе коммунизма» расценил произошедшее офицер ПВО Э.В. Живило: «Мои дети голодали в Киеве, в то время как я укреплял юго-восточные рубежи родины»{2076}. Помнит, что выдавали муку по карточкам, техник станции Черкизово Московской Окружной железной дороги М.И. Беляков{2077}. «Было плохо с хлебом и мукой в магазинах», – вспоминала З. Г. Евграфова, работница Измайловской прядильно-ткацкой фабрики в Москве{2078}. «Пропали макароны, вермишель, крупы», – вспоминала К.С. Белкина, рабочая Долгопрудненского механического завода{2079}. Очереди за хлебобулочными изделиями в магазинах вспоминает М.Г. Никольская из поселка Икша в Дмитровском районе{2080}. Как «за мукой с ночи занимали очередь», помнит Н.П. Плужникова, работница завода оптического стекла в подмосковном Лыткарине{2081}.

«Хлеба не всегда можно было купить столько, сколько требовалось», – отмечал Н.И. Новиков из деревни Красная Поляна в Чаусском районе Могилевской области{2082}. В Каменске-Уральском «на неделю на семью выдавали две булки черного хлеба и две булки кукурузного», других продуктов в магазинах «вообще не было», – рассказывала токарь предприятия п/я 30 Ф.Н. Соловьева. Такая же ситуация была и в Балашихе, куда она переехала в том же году{2083}.

«Хлеб с кукурузой был невкусный и быстро засыхал», – вспоминала бригадир подмосковного колхоза им. Ленина П.И. Ковардюк{2084}. О хлебе с добавками из кукурузной и гороховой муки и о том, как и его трудно было купить, вспоминает Г.Н. Стецюра, жившая тогда в поселке Удыч Тепликского района Винницкой области{2085}. Что белого хлеба практически в продаже не стало, подтверждает и председатель Ершовского потребительского общества в Саратовской области Н.Д. Михальчев: «Для того чтобы гражданину можно было купить буханку белого хлеба, ему нужно было представить справку от врача, что человек болен и нуждается именно в белом хлебе»{2086}.

«Хлеба не хватало, и когда его привозили, то образовывалась большая очередь, –

свидетельствовала техник Томилинской птицефабрики А.М. Васильева. – А на руки выдавали только два батона белого (не пшеничного, а кукурузного) и буханку черного»{2087}. «С работы идешь, а хлеб в магазине уже разобрали», – рассказывает учительница истории М.Г. Сенчилина из Больших Вязем в Одинцовском районе{2088}. Не стало ни молока, ни хлеба, – свидетельствует В.Г. Шмонова из Уфы: «Вставали в 5 часов утра, чтобы купить продуктов. Давали только 2 буханки хлеба. Очереди были огромные. Выходя из них на время, приходилось отмечаться»{2089}. «Огромные очереди, выстраивающиеся за хлебом и мукой с 5 часов утра», – вспоминает шофер МПС М.А. Тук{2090}. «С вечера занимали очередь за какой-то лапшой из темной муки», – вспоминала А.Н. Никольская, медсестра из детских яслей водздравотдела в поселке Икша Дмитровского района{2091}. Стояли в очереди по 5-6 часов, вспоминает В.Г. Саламадин из села Велетьма в Кулебакском районе Горьковской области: «Нам отвешивали хлеб по норме, и дети сильно голодали»{2092}. В Саранске, по свидетельству побывавшего там шофера из Подмосковья Ю.И. Чумарова, люди в очередях за хлебом простаивали по 12 часов{2093}. Чтобы купить 500 граммов макарон и 400 граммов пряников приходилось ставить в очередь всю семью, – вспоминает рабочая Поронайского рыбокомбината на Сахалине Т.С. Зайцева, прибавляя: «Была паника»{2094}. Очереди за хлебом с кукурузной примесью помнит работница домоуправления в Лыткарино Н.И. Лигаева: «А что такое сушки, мы вообще забыли»{2095}. Рассказывала, как распределяли муку по ЖЭКам москвичка-домохозяйка Д.А. Балмасова{2096}. Перебои с хлебом и длинные очереди за ним вспоминает учительница А.Ф. Алифанова из деревни Устиновка в Раменском районе{2097}. Про очереди за кукурузным хлебом и мукой вспоминают инженер-строитель из Лыткарино Л.И. Олейник{2098}.

«В магазинах стало хуже: исчезли икра и другие хорошие продукты», – вспоминала шофер первого класса Е.П. Серова с одной из московских автобаз{2099}. «Пропали колбасы, рыбные продукты, их стало сильно недоставать», – вспоминал лесник Хлебниковского лесопарка в Подмосковье И.А. Городилин{2100}. В магазинах был только плавленый сыр, а в общепитии стояла вонь от колбасы из китового мяса, которую, за неимением лучшего, жарили студенты Ярославского пединститута{2101}.

«Хлеб был только черный, и то по карточкам, – вспоминает рабочий-путеец А.Н. Иванов со станции Кола в Мурманской области. – И то, если не успеешь купить по ним днем, то вечером уже не купишь»{2102}. «Муку давали по талонам только для работающих», – вспоминает П.Г. Горячев, сотрудник Щелковского районного отдела внутренних дел{2103}. Вспоминает введенные тогда у них нормы выдачи по карточкам рабочая сахарного завода в Прокуроровке (Иртыльский район Воронежской области) Н.Н. Забелина: 0,5 кг черного хлеба на едока в день, 0,5 кг манки и 0,5 кг киселя на ребенка в месяц, изредка давали макароны, «кукурузой в муке и хлебе задушили», и за всем этим приходилось стоять в очередях{2104}. В сельской местности талонов на хлеб не давали, уточняет домохозяйка М.М. Лунина из деревни Круглица в Куринском районе Орловской области: «Жили, как приходится, воровали, бывало»{2105}. «Не стало муки, люди хлеб с картошкой пекли, – вспоминает Н.Г. Краснощекова, колхозница из деревни Ведянцы в Козловском районе Мордовии. – К 7 ноября дали нам 5 кг кукурузной муки, но хлеб из нее мы есть не могли, скормили свиньям, хорошо, что знакомый председатель сельсовета привез с базы 4 или 5 мешков муки, из нее хлеб и пекли»{2106}. А рабочим расположенного в селе Солодилово (Воловский район Тульской области) совхоза трудное время помог пережить директор, в том числе и тем, что не давал забирать у них личных коров{2107}.

«С хлебом тогда было очень плохо, – вспоминает Р.А. Сиухина, колхозная доярка из села Димитрово в Новокузнецком районе Кемеровской области, – ездили за ним в город, но не всегда удавалось купить, а дед ходил на мельницу и сметал с пола муку, из которой мы затем пекли хлеб»{2108}. Получала муку по талонам и ездила за продуктами из Барановичей в Вильнюс (хотя Минск ближе) Е.А. Дубо-вицкая{2109}. Ездила в Москву из Ногинска за макаронами лаборантка завода «Электросталь» Л.И. Есипова{2110}. Жители тульской деревни Зайчевка, по воспоминаниям доярки Т.П. Кищенко, ездили в Москву за макаронами и хлебом, покупали в разных очередях чуть ли не 100 килограммов и возвращались домой{2111}. У аптекарши Г.С. Ковтуновой из районного села Короча в Курской области своего хлеба не было, а купить стало невозможно, так как в магазин его не привозили, «поехать за ним же в город не

могли – не было автобусов»{2112}.

Продукты на рынке стали дороже, и почти вся зарплата работницы 1-го часового завода О.И. Гуськовой стала уходить на еду{2113}. Два месяца студент Днепропетровского горного института В.Р. Червяченко с молодой женой «сидели на гороховом супе из брикетов и черном хлебе, городскую булку за 6 копеек купить было событием»{2114}.

У учительницы физкультуры А.В. Потаповой родилась дочь-искусстvenница, и она рыдала, бегая по Люблино в поисках молока{2115}. Москвичке А.Ф. Савельевой, несмотря на «страшные очереди в Москве», пришлось через знакомых посылать масло сестре в Казань, где «не было вообще продуктов питания»{2116}.

Даже в армии, где проходил тогда срочную службу москвич В.К. Бушуев, стали урезать паек (3 буханки хлеба на 10 человек) и рассказывали такой анекдот: «Как называется прическа Хрущева? Урожай 63-го года»{2117}. О том, что перестали давать рядовым солдатам белый хлеб и масло, вспоминает и А.Г. Гришин (Германия){2118}. Появились проблемы с хлебом у солдат в столовых, признает Ю.С. Пыльцин, офицер отдельной мотострелковой дивизии КГБ в Москве{2119}.

Часто бывавший в командировках главный конструктор одного из московских НИИ В.И. Юрчик подтверждает, что «качество хлеба в ряде регионов, например, в Донбассе, резко ухудшилось», но считает нужным указать на то, что оно «довольно быстро восстановилось»{2120}. Медработник из Коломны Т.Ф. Ремизова, вспоминая тогдашние очереди за хлебом, уточняет, что нехватка хлеба длилась недолго, всего два-три месяца{2121}. Работница домоуправления в Лыткарино говорит, что «хлеба не было где-то около полугода»{2122}. Сравнивая тогдашнее напряжение в деле продовольствия с началом 90-х годов, московскому рабочему коммунисту Б.А. Глухову оно кажется не таким уж значительным{2123}.

Отнеслись к трудностям с получением продовольствия озабоченно, болезненно или даже негативно 26 и 26% опрошенных, то есть каждый второй из тех, кого продовольственные трудности коснулись.

До этого получал пакет молока по вредности своей работы, пару сарделек и бесплатный хлеб и был благодаря этому сыт московский шофер П.И. Северин: «Как же не возмущаться?»{2124} «Все восприняли это болезненно»{2125}, – утверждала рабочая-укладчица НИИ железобетона Н.С. Лукашкина. «Ждали худшего», – утверждала школьный повар из Московской области А.П. Жукова{2126}. Ходили слухи о грядущем голоде и возвращении к карточной системе в подмосковном поселке Костино{2127}. «Снова не было бы военного лихолетья», – опасалась учительница М.М. Крылова из поселка Константиново в Загорском районе{2128}.

«Люди всюду – на улицах, в очередях в магазинах, на базарах – возмущались», – свидетельствует А.М. Иванова, работавшая тогда на Кольской мебельной фабрике в Мурманской области{2129}. Под открытым недовольством имеет в виду разговоры в очередях врач ЦСП-14 МО СССР Г.А. Труздева{2130}. Свидетелем возмущения людей, стоявших в очередях, была З. Г. Евграфова, работница Измайловской прядильно-ткацкой фабрики в Москве{2131}.

«Недовольны были многие знакомые» Н. В. Подколзиной, шлифовщицы с завода «Фрезер», проживавшей в Быково. Но они также об этом сильно не распространялись, много не говорили{2132}. «Реагировали мы сдержанно, – признавался техник трамвайного депо им. Баумана А.И. Харитонов, – за решетку нам не хотелось!»{2133}. «Молчали в подушку», по выражению милиционера А.В. Петрова из поселка Рошино в Ленинградской области{2134}.

Надеялись на то, что эти трудности преходящие и скоро будут преодолены, 6% опрошенных. Верила, что когда-нибудь станет лучше, работница Шатурской трикотажной фабрики А.М. Шарапова{2135}. Надеялись на помощь Венгрии, Югославии и США, по словам работницы ЦУМа В.В. Кочатковой{2136}.

Отмену бесплатного хлеба в столовых одобрили соответственно 6 и 5,5% опрошенных. Встретил это решение, как «должное в такой обстановке», А.М. Семенов, секретарь Коробовского райкома партии (в Белоруссии) по сельскому хозяйству{2137}. Полагала, что эта мера не так уж заметно сказалась на бюджете рядового человека, учительница Н.С. Мартынова

из подмосковного поселка Дзержинский: «Платить стали по 1 копейке за кусок хлеба»{2138}.

Было «ужасное отношение к хлебу», по словам Г.И. Воронковой, студентки Московского института транспортного строительства{2139}. «Некоторые набирали хлеб и кормили им свиней, что очень возмущало», – объясняла Е.Н. Петрушенко, контролер на трикотажной фабрике в Симферополе{2140}. «Это заставит относиться к хлебу с большим уважением», – думала Е.Н. Сычева, работница завода им. Ухтомского в Люберцах{2141}. Была довольна Л.В. Борзова, инженер закрытого машиностроительного завода в Красноярске: «К хлебу суждено другое отношение, нельзя им кидаться или кормить коров»{2142}. «До этого бесплатный хлеб валялся на полу в столовой, очень много продуктов уходило в отходы», – вспоминал рабочий Метростроя М.М. Гурешов{2143}. «Им в столовой в футбол играли», – утверждал А.Д. Арвачев с предприятия п/я 41 в Подольске{2144}. «Было ненормальное положение с хлебом, на нем спекулировали, так всем и надо было!» – говорила учительница средней школы № 13 Раменского района в селе Власове Л.А. Змитрук{2145}. Верил, что им кормили свиней, машинист Октябрьской железной дороги из подмосковного села Куркино И.П. Стрельченко{2146}. Выдачу бесплатного хлеба в столовых московский повар Р.И. Капошина вообще считала самым большим вопросом: «Мы замучились»{2147}. Председатель Ершовского районного потребительского общества Н.Д. Михальчев разъяснял: «Бесплатного хлеба в столовых никогда не было. Это была только видимость. Хотя этот хлеб действительно лежал на столах, но средняя его стоимость входила в цену блюд, которые вы брали (борщ, котлеты и т. д.). Правда, если вы, заходя в столовую, ничего не брали, а ели один лишь хлеб, то этот хлеб действительно был бесплатным»{2148}. О таком случае вспоминает Г.Н. Стецюра: у нее на глазах ее отец в одной из столовых Одессы съел «целую горку белого хлеба»{2149}.

«Шла пропаганда, что крестьяне хлебом кормят скотину», – упоминает и официантка одного из московских кафе Н.Н. Сныткова{2150}.

От 0,25 до 4% опрошенных не видели в происшедшем вины власти.

Колхозный механизатор В.А. Егоров из села Мишенка в Гжатском районе Смоленской области считал, что «неурожай ни от кого не зависит»{2151}. «Неурожай есть неурожай, – рассуждала рабочая ДЭУ в Балашихе А.И. Яковлева, – он от бога, и винить здесь некого»{2152}. В Тамбовской области, сообщала аспирантка ВНИИ экономики сельского хозяйства Т.И. Шевякова, «главным виновником считали засуху»{2153}. «Отнеслись как к стихийному бедствию», – говорила бригадир подмосковного колхоза им. Ленина П.И. Ковардюк{2154}. «Что можно сделать, если природа преподнесла такой сюрприз?» спрашивала учительница Константиновской школы в Загорском районе В.С. Безбородова и добавляла: «От хорошего к плохому трудно привыкнуть»{2155}. «Все реагировали довольно спокойно», – казалось инженеру ВНИИлитмаша А.В. Гавриленко{2156}. «Все с пониманием на это отреагировали, – вторила ему работница швейной мастерской № 23 в Москве Л.В. Гурьева. – Власть-то не виновата, что урожай не удался»{2157}.

Но от 3 до 7% видели в этом неспособность власти выполнить свое обещание поднять сельское хозяйство. Ругали не только непогоду, но и правительство, по словам работницы Лыткаринской горбольницы А.С. Ключичевой: «Это начало в привычку входить»{2158}. О постоянных потоках брани на правительство в очередях за продуктами помнит М.И. Бондарь, техник станции Черкизово Московской Окружной железной дороги: «Проклинали весь белый свет»{2159}. «Считали, что правительство проводит неграмотную экономическую политику», – утверждал рабочий санатория ВМФ под Солнечногорском Б.С. Егоров{2160}. Как следствие неправильной сельскохозяйственной политики, расценил неурожай 1963 г. новосибирский строитель А.А. Чуркин{2161}.

«Если бы Хрущев не носился с кукурузой как дурень с писаной торбой, – рассуждал член КПСС В.Е. Голованов из Калининграда, – может быть хлеба было бы в достатке»{2162}. В чрезмерном насаждении кукурузы видел корень зла шофер Ю.И. Чумаров из деревни Аксеново в Раменском районе{2163}. «Хрущев-дурачок кукурузой завалил!» – негодовала домохозяйка М.М. Лунина из деревни Круглица в Куринском районе Орловской области{2164}.

Москвич А.В. Шаталин объяснял ухудшение положения с продовольствием еще и тем, что были резко ограничены возможности ведения личного подсобного хозяйства: «В поселке Ершов, где жили мои родители, представители райфинотдела ходили по дворам и описывали

имеющуюся живность. Мои старики выращивали двух поросят, а иметь положено было только одного. Поэтому со второго стали брать налог. Идиотизм был какой-то. Все эти мероприятия отбивали охоту заниматься личным хозяйством. Хрущев хотел, чтобы все граждане питались в столовых и покупали молоко в магазинах, а не держали своих коров. Он хотел, чтобы у людей было больше свободного времени, чтобы они культурно отдыхали, «росли над собой», не копошились в навозе». Такую его политику Шаталин считал «вредной и дурацкой»{2165}. «Логичное завершение реформ Хрущева в сельском хозяйстве» видел во всем этом инженер Корневского завода строительных материалов И.И. Назаров{2166}. С.Ф. Хромов из предприятия п/я 17 во Фрязино считал, что неурожай был «спровоцирован руководством, Хрущевым лично (повсеместными посевами кукурузы, даже там, где она не давала урожая)»{2167}. «Злость на Хрущева, по вине которого разорено сельское хозяйство», была у Е.В. Наливайкиной, бухгалтера завода «Ростсельмаш»{2168}. «Все ругались на Хрущева», по словам рабочей одного из заводов в Тамбове В.В. Новожиловой и рабочей М.Д. Бизюкиной из Мичуринска{2169}. «Усилилось недовольство Хрущевым» и по словам библиотекаря А.М. Вавиловой из поселка Советский под Астраханью{2170}. «Недовольство Хрущевым было повсеместным», – утверждал Н.Д. Михальчев, бывший тогда председателем Ершовско-го (в Саратовской области) районного потребительского общества{2171}. «Все ругали Хрущева за все это», – свидетельствовала и жительница Пензенской области А.В. Девяткина{2172}. Учительница русского языка и литературы в Воздвиженской средней школе Загорского района А.П. Запрудникова вспоминала, как тогда пели частушку: «Жена Хрущева умерла – белый хлебец унесла, если снова женится – куда черный денется?»{2173}

Дело доходило до того, что, как свидетельствует секретарь Аромашевского райисполкома в Тюменской области В.П. Торопова, некоторые люди «думали, что правительство прячет хлеб»{2174}. Думала, что «хлеб нечистый» из-за того, что «Хрущев пшеницу продает за границу», К.М. Ежова, рабочая завода № 67 в Москве{2175}. «Эту политику считали вредительством» и по свидетельству работницы Косинской трикотажной фабрики Т.П. Михайловой{2176}.

Как всегда это бывает, обострение социальной обстановки сопровождалось ростом спекуляции и уголовных преступлений. Только за праздники 7-9 ноября 1963 г. и только на одной Украине произошло 34 убийства и 3 изнасилования. Имели место 14 случаев распространения антисоветских листовок. «Все это вместе взятое омрачает и без того далеко не радужное праздничное настроение», – записывал в своем дневнике Шелест{2177}.

12 ноября он встречал в Киеве Хрущева и сопровождал его в загородную резиденцию «Залесье», где тот собирался готовиться со своей командой к очередному пленуму ЦК КПСС, посвященному развитию химической промышленности как важнейшему условию подъема сельского хозяйства и роста народного благосостояния. В те дни Шелест заносил в свой дневник: «На станции Раздельная в 12 вагонах демобилизованные из армии грузины устроили пьяный дебош, открыто высказывали недовольство в адрес Хрущева, защищали все действия и порядки при Сталине, восхваляли политику Маленкова. В Стамбуле с нашего туристического парохода остался 21 человек... Все это довольно неприятные вещи, и это довольно прозрачно говорит о нашем политическом состоянии... Сейчас просто у нас катастрофа с сельским хозяйством, и это не может не отражаться на политическом престиже в целом и в частности на престиже Хрущева»{2178}.

С жалоб на «исключительно неблагоприятные климатические условия» начал Хрущев говорить об итогах сельскохозяйственного года на пленуме ЦК КПСС:

– Суровая зима, а затем жестокая засуха нанесли ущерб важнейшим сельскохозяйственным районам страны. Урожай получен ниже, чем в прошлом году, а озимые на миллионах гектаров погибли.

В данном случае все это соответствовало действительности: валовой сбор зерна снизился со 140 до 107 млн. тонн, то есть почти на 30%. Все расчеты на значительное увеличение заготовок рухнули: вместо намечавшихся 4,2-4,5 млрд. пудов удалось заготовить только 2,7 млрд. пудов (44,8 млн. тонн){2179}. Для смягчения остроты продовольственного положения и социальной напряженности пришлось прибегнуть к импорту зерна. Закупили за рубежом немало – 9,4 млн. тонн, то есть около 10% от всего урожая, или 25% от того, что государству

необходимо было израсходовать {2180}.

Чтобы наконец-то добиться коренного перелома в развитии сельского хозяйства – цели, поставленной им еще десять лет назад, – Хрущев вынужден был пойти на серьезное переосмысление приоритетов.

– Можно ли, – ставит он вопрос, – и дальше в развитии зернового хозяйства идти по пути расширения посевных площадей? {2181}.

И отвечал:

– Видимо, в дальнейшем мы не можем идти по такому пути... Куда выгоднее теперь, когда лучшие земли уже освоены, направить средства на развитие химии, на производство минеральных удобрений. Советская страна располагает теперь реальными возможностями для того, чтобы в земледелии пойти по пути интенсификации, увеличения производства зерна с гектара пашни за счет значительного повышения урожайности {2182}.

По существу, он готов уже признать ошибки, допущенные в кукурузной кампании:

– Не должно быть приоритета какой-нибудь одной культуре... Та культура, которая в условиях определенной зоны дает наиболее высокий урожай, лучше оплачивает вложенный труд, эта культура в хозяйстве и должна быть такой культурой {2183}.

Даже «травопопыльщики» не вызывают у него теперь непримиримой враждебности. Он, правда, по-прежнему считает, что «ориентироваться в производстве кормов в расчете на луга – значит ожидать, как говорили в старину, что даст господь». Но ведь когда это еще в стране будет столько зерна, чтобы обеспечить животноводство концентрированными кормами. Так что и лугами пока что грех пренебрегать. Но их «надо окультуривать, известковать, не допускать закисления, а со временем придется для этого выделять и минеральные удобрения». И вообще «подходить к этому делу надо конкретно». Например, в Прибалтике «определенную роль играют и пастбища» {2184}.

Мало того, отвечая в заключительном слове на записку с вопросом о возможном возвращении Министерства сельского хозяйства в Москву, чтобы его сотрудники не тратили на дорогу по четыре часа, признал, что «вопрос заслуживает внимания», долго и путано объясняя затем, почему было принято такое решение {2185}.

Пленум ЦК КПСС одобрил предложенную Хрущевым программу химизации народного хозяйства, в том числе и его аграрного сектора. Он провозгласил главной и неотложной задачей «сосредоточение средств и усилий на создание мощной химической индустрии, чтобы в предстоящем семилетии резко увеличить производство минеральных удобрений, химических средств защиты растений и других химических продуктов для растениеводства и животноводства» {2186}. На реализацию этой программы предполагалось выделить крупные капиталовложения.

Данное решение по существу означало начало разработки нового курса аграрной политики, нацеленного на последовательную, глубокую и всестороннюю интенсификацию сельского хозяйства {2187}. Уже через два месяца, в феврале 1964 г., новый пленум ЦК КПСС объявил интенсификацию генеральным направлением в подъеме сельского хозяйства, столбовой дорогой развития его производительных сил. Осуществлять ее предусматривалось по трем главным направлениям. «Широкую химизацию земледелия и животноводства» должны были дополнить «всемерное развитие орошаемого земледелия» и «внедрение комплексной механизации в сочетании с электрификацией производства». Принципиальное значение имело и указание на специализацию производства как по зонам, так и отдельных хозяйств, на дальнейшее развитие специализированных совхозов вокруг крупных городов в целях «решения задач полного обеспечения потребностей страны в овощах и фруктах» {2188}.

Известной сенсацией стало выступление директора ВНИИ зернового хозяйства в Казахстане А.И. Бараева, на протяжении ряда лет подвергавшегося резким нападкам со стороны Хрущева за защиту чистых паров и пропаганду безотвальной обработки поля с сохранением стерни {2189}.

Комментируя решения пленума на совещании руководящих работников партийных и сельскохозяйственных органов 22 февраля 1964 г., Хрущев особо подчеркнул, что на реализацию данной программы уже в этом году выделены самые крупные за историю советской власти капиталовложения – 5 млрд. 400 млн. рублей. Рентабельно вести хозяйство,

достойно оплачивать труд людей и обеспечивать накопления для расширенного производства позволяют, по мнению Хрущева, нынешние закупочные цены, особенно если сравнивать их с теми, что были в 1952 г. {2190}

Неожиданно зачитал он и отрывки из писем, в которых сообщалось о том, что «некоторые местные органы вопреки установленному порядку навязывают колхозам планы сева по культурам, бесцеремонно устанавливают структуру посевных площадей». Вряд ли Хрущев не ведал о том, что эта практика существует чуть ли не с момента принятия постановления ЦК 1955 г. о новом порядке планирования и что вызвана она была инициированными им самим кампаниями. Важно то, что сейчас он счел необходимым осудить ее и даже пригрозить тем руководителям, которые не сделают должных выводов:

– Возможно, что следует ввести закон (призывов было уже много), который бы карал тех, кто нарушает принятые постановления. Тогда ответственность будет не только в партийном, но и в уголовном порядке. Тогда будет меньше любителей командовать колхозами, администрировать {2191}.

«Последний романтик» или «последний коммунист», каковым его считают некоторые сегодняшние публицисты и историки, Хрущев сам был подвижником по своей натуре и хотел бы видеть таковыми всех советских людей, и в «низах», и в «верхах». Но ни там, ни тут никто, в сущности, уже не хотел или же не мог двигаться. В этом для него лично заключалась коварная ловушка: лишенная былого страха система все более и более утрачивала остатки своей эффективности, на уговоры и призывы реагировала слабо. Хрущеву хотелось бы, чтобы все его благие пожелания немедленно превращались в быль, а получалось только то, на что были способны аппарат и народ. Коренную причину этого ему было не понять, он раздражался, выходил из себя, обрушивал свой гнев на окружавших, усиливал свои нападки и на партийно-государственный аппарат.

К этому способу оправдывать себя в глазах простых людей нередко прибегают правители авторитарного склада. Часто он дает немалые результаты. Но в данном случае эффект получился обратный: популярности не прибавилось, а аппарат стал сплачиваться для отпора. Внешне все оставалось по-старому. Хрущев ругал членов Президиума ЦК, министров и генералов, местных руководителей, грозил найти им всем скорую замену. Они же публично его славословили и говорили о «великом десятилетии» его нахождения у руля партии и государства. А между собой жаловались друг другу на его своеволие и грубость. Секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов несколько раз звонил помощнику Хрущева по международным делам О.А. Трояновскому и, зная, как к тому хорошо относится «первый», просил его посоветовать Никите Сергеевичу дать возможность коллегам высказать ему все, что у них накопело. Вспоминая позже об этих звонках, Трояновский ничего не говорит о том, выполнил ли он просьбу {2192}. Вряд ли.

Хрущев готовился провести еще один пленум ЦК КПСС для рассмотрения на нем таких вопросов сельского хозяйства, как новая реорганизация руководства отраслью, ликвидация производственных колхозно-совхозных управлений и уточнение структуры партийных органов. Ничего хорошего аппарату эта перетряска не сулила. А тут еще поползли слухи, будто первый секретарь ЦК КПСС подумывает о дальнейшей судьбе колхозов. В Институте истории АН СССР в конце сентября – начале октября 1964 г. получили задание подготовить к предстоящему пленуму документальный материал о том, как проводилась сплошная коллективизация. Причем критического характера: письма крестьян, сводки о положении в деревне, высказывания представителей оппозиции и т. д., без каких-либо комментариев и оценок. Задание поступило непосредственно от вице-президента Академии наук, курирующего общественные науки, члена ЦК КПСС П.Н. Федосеева. Выполняя его, сотрудники института получили доступ к некоторым документам секретного хранения центрального партийного архива. В результате «наверх» пошел 20-страничный документ, рисующий картину своеволия властей, жесточайших репрессий и массового голода в деревне в 1932-1933 гг. По одной из версий этот критический материал должен был быть использован в работе пленума {2193}.

Однако состоявшийся в ноябре 1964 г. пленум ЦК КПСС проходил уже без Хрущева и обсуждал другие проблемы.